

Вскоре после этого Хуань Тун и Хуа Лу один за другим покинули Павильон Голубого Ветра; один направился к давно ожидавшему Чан Яну, а другая – в Павильон Спящей Луны, где жила Пань Иньян.

Хуань Тун нашел Чан Яна и сказал ему, что молодой мастер прочитал его письмо. Днем в резиденции было много людей, что встречаться с ним было неудобно. Ему придется испытать неудобства и подождать пару часов в резиденции, а с наступлением темноты они встретятся.

Чан Ян не возражал. Хуань Тун отвел его в пустую комнату в боковом дворе резиденции. Он сказал: «Чан-гунцзы, пожалуйста, подождите здесь. Когда придет время, молодой мастер придет».

Это ожидание длилось от сумерек до темноты, и в это время Хуань Тун даже подавал ему еду.

Незадолго до летнего солнцестояния день ото дня становилось все жарче. С наступлением темноты затяжная летняя жара постепенно рассеивается, иногда даже становится немного прохладно. В этот момент, если бы рядом с мужчиной была красивая женщина, чтобы прогуляться при лунном свете, полюбоваться лотосом в саду и послушать пение лягушек, это, безусловно, было бы достойно этого прекрасного времени года и живописного пейзажа.

Жаль, что двум «красавцам» Павильона Голубого Ветра сегодня вечером не суждено быть столь неторопливыми.

Линь Цинъюй выкатил Лу Ваньчэна из Павильона Голубого Ветра, а затем передал инвалидное кресло Хуа Лу, сказав: «Я ухожу».

Лу Ваньчэн кивнул: «Иди».

При лунном свете он наблюдал, как Линь Цинъюй уходит. Глядя на силуэт покидающего его человека, он чувствовал себя немного неловко. Лу Ваньчэн приписал этот дискомфорт обычному для мужчин стремлению к исключительности, и при небольшом контроле все должно быть в порядке. Это было похоже на те моменты в детстве, когда кто-то одалживал его самую любимую и красивую игрушку и уходил с ней. Он все время будет беспокоиться, опасаясь, что игрушка будет испачкана другими.

...Подождите, этот безмозглый маленький шиди не был бы настолько импульсивен, чтобы страстно признаться в любви, а затем разыграть сцену, в которой он зажимает Линь Цинъюй к углу, обнимает другого за талию и силой целует, верно?

Черт возьми.

Мысли Лу Ваньчэна путались. Затем он услышал, как Хуа Лу спросила его: «Молодой господин, куда мы сейчас идем?»

Это дело нельзя было отложить. Лу Ваньчэн успокоил свой разум и сказал: «Сад за домом».

Линь Цинью воспользовался лунным светом и прошел через задний сад в комнату, где ждал Чан Ян. Он трижды постучал в дверь, и дверь открылась изнутри.

Чан Ян не мог скрыть своего волнения: «Шисюн!»

Линь Цинью тихим голосом сказал: «Если тебе есть что сказать, давай поговорим об этом внутри».

Внутри единственным источником освещения была масляная лампа, которой пользовались слуги; она могла освещать только небольшое пространство вокруг них. Чан Ян пристально посмотрел на стоявшего перед ним человека. В слабом свете в глазах его шисюна вспыхнуло пламя. Он долго смотрел на него, и его дыхание стало обжигающим.

Прежде чем он смог налюбоваться, Линь Цинью перешел прямо к делу: «Говори».

Чан Ян посмотрел на его слегка приоткрытые красные губы. На мгновение оцепенев, он выпалил все сразу: «Шисюн, пойдём со мной!»

Конечно.

Линь Цинью незаметно вздохнул и спокойно спросил: «И куда ты хочешь отвести меня?»

«Куда угодно! Подальше от резиденции Хоу, подальше от столицы! — Глаза Чан Яна вспыхнули тоской: — Мы можем вернуться к мастеру. Мы будем жить в горах и лесах в уединении с ним, хорошо?»

Линь Цинью надавил на пространство между бровями и сказал: «Мой брак с Лу Ваньчэном был дарован императором. Как только я уйду, что будет с резиденцией Линь?»

Чан Ян сказал: «Я тоже обдумывал этот вопрос. Шисюн, ты помнишь, что мастер пытался создать лекарство, которое может имитировать смерть?»

Линь Цинью наконец проявил интерес. Когда он путешествовал со своим учителем, они случайно встретились с молодой женщиной, которая повесилась на ветке. После спасения молодая женщина плакала, рассказывая им о своем опыте. Ее отец-игрок продал ее в наложницы местному крупному сановнику. Каждый день ее избивали и оскорбляли; ей даже угрожали, что, если она убежит, в качестве компенсации он заберет жизни членов ее семьи. У молодой женщины не осталось иного выбора, кроме как искать смерти.

С тех пор у мастера появилась идея создать лекарство, которое могло бы имитировать смерть.

Линь Цинюй спросил: «Мастер преуспел?»

Чан Ян снова и снова кивал: «Да, мастер назвал его таблеткой Ваншен*. Он также передал мне рецепт. К сожалению, мои навыки не очень хороши, и даже с рецептом я не могу ее приготовить. Но я знаю, что шисюн наверняка сможет».

[Примечание: 往生 / wǎngshēng. 1) будд. будущая жизнь, будущее существование; 2) уйти в иной мир и там возродиться. В образном значении, отойти в лучший мир, умереть.)]

«Итак, ты хочешь, чтобы я инсценировал свою смерть, чтобы сбежать?»

«Да, пока мир думает, что шисюн мертв, они точно не будут беспокоить резиденцию Линь».

Линь Цинюй легкомысленно сказал: «Это хорошая идея. Но какой смысл быть мертвецом?»

Чан Ян сказал без колебаний: «Пока шисюн обретает свободу, он может делать все, что захочет. Разве этого недостаточно?»

«То, что я хочу сделать... Хех. — Линь Цинюй улыбнулся, словно насмехаясь над наивностью Чан Яна. — Разве ты не сказал, что понимаешь меня? Как ты можешь даже не знать, чего я на самом деле хочу? Я не хочу быть обычным лекарем. Я хочу быть лучшим. Я должен прочитать все книги в мире и иметь неисчерпаемый запас редких лекарственных материалов. И это может дать мне только Императорская медицинская канцелярия. Я не отвергаю богатство и почести, власть и силу. Мне нравится видеть, как люди преклоняют колени передо мной, дрожа от страха. Ты меня понимаешь?»

Чан Ян оцепенело посмотрел на Линь Цинюй, как будто смотрел на незнакомца.

«Ты ничего не знаешь, и все же продолжаешь твердить о том, чтобы забрать меня. Это просто смешно. — Линь Цинюй встал. — Я попрошу Хуань Туна вывести тебя из резиденции».

Все это было слишком далеко от ожиданий Чан Яна. В его глазах шисюн был обладающим исключительными моральными качествами джентльменом*, с открытым умом и искренним сердцем**. Ассоциировать его с богатством и властью было просто слишком возмутительно, слишком неприлично. Какое-то время он действительно не мог смириться с этим. Однако, видя, что шисюн собирается толкнуть дверь, чтобы уйти, он выпалил свои мысли: «Тогда то, чего хочет шисюн, может ли молодой мастер Хоу дать это тебе?»

[Примечание: *怀璧 / huái jīnwèiyú. Обладать драгоценными камнями и держать в руках перлы. В обр знач.: обладать исключительными моральными качествами; **干净 / guāngfēngjìyuè. Чистый ветер, ясная луна. В обр знач.: чистосердечный, прямодушный, открытый — о характере (качествах) человека: б) спокойный, мирный; в порядке.]

Линь Цинюй остановился как вкопанный.

«Молодой мастер Хоу недолго проживет в этом мире. Теперь он просто бездельничает и бессмысленно прожигает жизнь*. Чем он отличается от избалованного богатого сына, задирающего нос перед всем миром? Как может кто-то с таким постыдным поведением...»

[Примечание: 餓死 / hùn sǐ děng sǐ. Только есть и ждать смерти (обр. в знач.: духовная бедность, потеря смысла жизни, потеря идеала, отсутствие стимула к чему-либо.)]

Линь Цинюй прервал его холодным голосом: «Тогда что ты хочешь, чтобы он сделал?»

Чан Ян был ошеломлен.

«...Шисюн?»

«Даже ты знаешь, что Лу Ваньчэн смертельно болен, в нем есть только один вдох. Ты видишь, как он разговаривает и смеется с тобой, ничего не принимая всерьез. Но знаешь ли ты, сколько лекарств он принимает каждый день, сколько процедур иглоукалывания проходит? Он делает два шага - и у него перехватывает дыхание. Небольшая простуда может ввести его в кому, из которой он может и не очнуться. Когда у него начинается кашель, он не может хорошо спать всю ночь. Беспокоясь, что может разбудить меня, он заставит себя подавить кашель. Он уже такой, что ты хочешь, чтобы он сделал? Пойти и сдать императорские экзамены? Или пойти в армию и служить стране? У него осталось всего полгода. Почему он не может потратить то небольшое время, что у него осталось, на то, чтобы быть избалованным богатым сыном, которому ни о чем не нужно беспокоиться?»

Линь Цинюй редко так много говорил с другими. Как он мог не знать, что Лу Ваньчэн был озорным, ленивым и странным? Он не мог понять, как Лу Ваньчэн мог ничего не принимать всерьез, как он мог ни о чем не заботиться. До этого он много раз в лицо издевался над Лу Ваньчэном. Но это не означало, что другие могли смотреть на него свысока.

После долгого молчания Чан Ян тихо спросил: «Шисюн, он тебе... нравится?»

Линь Цинюй не колеблясь ответил: «Я не люблю мужчин, и он тоже. Мои отношения с ним, если мне нужно сказать... — Линь Цинюй мягко улыбнулся. — Мы, вероятно, близкие друзья, насильственно связанные предопределенным браком».

«Не любишь мужчин. — Чан Ян криво улыбнулся. — Я вижу, я... побеспокоил шисюна».

Линь Цинюй хотел сказать, что он был недостаточно хорош, чтобы беспокоить его, но, увидев опустошенное выражение лица Чан Яна, решил придержать слова.

Чан Ян глубоко вздохнул и достал рецепт из аптечки. Он выдавил из себя улыбку.

«Это формула таблетки Ваншен. Пожалуйста, прими это, шисюн. Я... Я ухожу».

Линь Циньюй слегка кивнул.

«Хуань Тун, проводи гостя».

Чан Ян вышел из комнаты. Посмотрев на яркую луну на горизонте, он внезапно вздохнул. Он проделал весь путь до столицы ради своего шисюна. Но теперь стоявший перед ним человек больше не был тем, кто жил в его сердце. Может быть, ему стоит уйти.

Нет, шисюн никогда не был таким, каким он его себе представлял. Это он принимал желаемое за действительное, навязывая свои идеи шисюну. Шисюн был прав; его поведение было таким смешным и нелепым.

Чан Ян почувствовал себя подавленным, когда услышал, как Хуань Тун сказал: «Не грустите, Чан-гунцзы. Молодой мастер моей семьи точно не позволит себе оказаться в ловушке в этой жалкой резиденции Наньань Хоу».

Чан Ян посмеялся над собой: «Просто я считал себя непогрешимым».

Хуань Тун похлопал Чан Яна по плечу и сказал: «Пойдемте, Чан-гунцзы, или будет слишком поздно».

Чан Ян спросил: «Слишком поздно для чего?»

Хуань Тун улыбнулся и сказал: «Молодой мастер Хоу знал, что сегодня вечером Чан-гунцзы может грустить, поэтому он специально приглашает вас посмотреть хорошее шоу».

Ночь становилась все темнее, темное облако бесшумно заслонило лунный свет, и огни в резиденции гасли один за другим. В саду с множеством деревьев, если бы не зажженные фонари, было бы трудно разглядеть даже тропинку под ногами.

Лу Цяосун взял Цю-момо и спрятался за деревом, уставившись на две фигуры на берегу пруда. Он спросил: «Ты уверена, что это они?»

Цю-момо сказала: «Я не могу ошибиться. Лекарь Чан сегодня был одет в одежду этого цвета, а шаоцзюнь был одет в белое».

Лу Цяосун стиснул зубы и сказал: «Иди! Не дай им сбежать!»

Цю-момо тут же выскочила из-за дерева. Она почти ничего не могла сделать, но ее голос был

громким. Ее вопли были слышны половине резиденции: «О, разве это не шаоцзюнь? Уже так поздно, но шаоцзюнь не ухаживает за больным молодым мастером у его постели, вместо этого он с кем-то тайком любит луну!»

Этот вопль раздался как гром среди ясного неба, и человек в белом испугался, его ноги подкосились – и он чуть не упал в воду. К счастью, мужчина в синей одежде рядом с ним немедленно подхватил его и поставил на ноги.

Человек в синем резко крикнул: «Кто сказал такую чушь!»

Когда она услышала этот голос, колени Цю-момо мгновенно ослабли.

Как это мог быть голос мастера Хоу? Цю-момо пошатнулась и хотела убежать, но ее внезапно остановила появившаяся из ниоткуда Хуа Лу. Она громко сказала: «Почему Цю-момо так спешит? — Она повернулась, чтобы заглянуть за дерево. — А? Третий молодой мастер тоже здесь. Старший молодой мастер любит луну с мастером. Разве вы не видели?»

Лу Цяосун был вынужден прекратить попытки к бегству и выругался про себя.

Голос Хуа Лу был не таким проникновенным, как у Цю-момо, но этого было достаточно, чтобы Наньань Хоу услышал. Сегодня он, как обычно, отдыхал в Павильоне Спящей Луны, Пань Ши ухаживала за ним, помогая переодеться в обычную одежду. Увидев яркий лунный свет снаружи, Пань Ши сказала, что цветы лотоса в пруду обильно цветут, и спросила, не хочет ли он прогуляться у пруда, чтобы насладиться луной.

Наньань Хоу тоже был ученым, и ему было невыносимо предавать красоту лунного света. И вот он повел Пань Ши в сад за домом, где случайно встретил своего старшего сына, который тоже наслаждался луной. Отец и сын получили редкую возможность поговорить, и Пань Ши, под видом приготовления пищи, предусмотрительно оставила это время для отца и сына.

Лу Ваньчэн спонтанно упомянул императрицу. Та всегда беспокоилась о единственном ребенке своей сестры и время от времени посылала старшего дворцового евнуха в резиденцию, чтобы справляться о здоровье, часто одаривая его укрепляющими средствами. Наньань Хоу попросил подождать, пока его тело станет чуть здоровее, после чего сын сможет лично отправиться во дворец, чтобы поблагодарить ее.

Они хорошо разговаривали, когда этот крик застал их врасплох. Это так напугало Лу Ваньчэна, что он чуть не упал в воду. Наньань Хоу знал, что его старший сын был хрупким и слабым. Увидев, как побледнело лицо Лу Ваньчэна, как побелели его губы, он, естественно, пришел в ярость: «Кто говорит? Иди сюда!»

Лу Цяосун и Цю-момо были «приглашены» Хуа Лу предстать перед Наньань Хоу. Наньань Хоу холодно спросил: «И что эта пара хозяин-слуга делает, поднимая такой шум в саду за домом посреди ночи?»

Лу Цяосун сделал смелое лицо и сказал: «Ваш сын тоже здесь, чтобы насладиться луной».

Лу Ваньчэн слабо улыбнулся: «Третий брат не приводит на любование луной певиц и актрис, которых он содержит во дворе, вместо этого он приводит Цю-момо. Какой утонченный и элегантный склад ума».

Лу Цяосун знал, что был неправ, поэтому мог только сдерживать свои эмоции.

Наньань Хоу посмотрел на Цю-момо: «Что ты только что кричала?»

Цю-момо поспешно сказала: «Отвечая господину Хоу, эта слуга сопровождала третьего молодого господина, чтобы полюбоваться луной. Увидев издали двух людей у пруда, я подумала, что это шаоцзюнь и лекарь Чан. Вы не должны винить эту слугу, все в резиденции знают, что шаоцзюнь и лекарь Чан – соученики и поддерживают близкие отношения, часто встречаясь друг с другом. Поэтому эта слуга неправильно поняла».

Наньань Хоу тихим голосом сказал: «Может ли быть такое?»

«Отец, лекарь Чан приходил в Павильон Голубого Ветра не для того, чтобы увидеть Цинюй, а чтобы увидеть меня, — легкомысленно сказал Лу Ваньчэн. — Мы с лекарем Чаном нашли общий язык при первой же встрече и получаем удовольствие от наших бесед. Я попросил его часто бывать в Павильоне Голубого Ветра, чтобы составить мне компанию и развеять скуку разговором».

Хуа Лу повторила его слова: «Это правда. Всякий раз, когда лекарь Чан приходил в Павильон Голубого Ветра, он приходил, чтобы поговорить с молодым мастером. Были даже времена, когда шаоцзюня там не было».

Выражение лица Наньань Хоу расслабилось, и он спросил: «Кто этот лекарь Чан?»

Лу Ваньчэн спокойно сказал: «Он – лекарь, который лечит истощение почек третьего брата».

«Почек... — Наньань Хоу указал пальцем на нос Лу Цяосуна и, выйдя из себя, сказал: — Объяснись!»

Он знал только, что Лу Цяосун болен, но не знал, что это за болезнь. Лу Цяосун имел предыдущую провинность, и как только прозвучат слова «истощение почек», любой подумает в этом направлении.

Лицо Лу Цяосуна сразу же вспыхнуло, он не мог допустить приступа гнева перед Наньань Хоу.

«Отец неправильно понял, я просто простудился...»

Естественно, Наньань Хоу ему не поверил. Однако он не мог тщательно допросить его в присутствии слуг по такого рода безнравственному вопросу.

«Следуйте за мной в кабинет». – После этого, взмахнув рукавами, он яростно зашагал прочь.

«Отец!..»

Прежде чем прийти сюда, Лу Няньтао неоднократно повторяла Лу Цяосуну, что чтобы ни говорила другая сторона, ему нужно лишь указать на неподобающие отношения Линь Цинюй и Чан Яна; даже если это ложь, ему нужно было только вызвать подозрения. Но он никогда не ожидал, что вместо этого на него укажет Лу Ваньчэн. Он не собирался избегать этого сурового выговора, но и не собирался позволять Лу Ваньчэну чувствовать себя самодовольным из-за этого.

Лу Цяосун, пошатываясь, подошел к Лу Ваньчэну и с ухмылкой сказал: «Учитывая привлекательную внешность невестки, есть не только один-два человека, которые восхищаются им. Дагэ* мог бы вынести это в этот раз, но сможешь ли ты вынести это в следующий раз? Каким бы великодушным ни был дагэ, я не думаю, что даже ты сможешь вынести, чтобы столько людей бросали на него жадные взгляды в темноте».

[Примечание: Большой брат, старший из братьев.]

«Третий брат тоже знает, что он мой. Так как он мой, то я прошу тебя... — Лу Ваньчэн улыбнулся, и его взгляд прошелся по всем по очереди, и как бы рассеянно он посмотрел в сторону Чан Яна. Тон его голоса резко изменился, скрывая опасные лезвия: — Не двигайся, не прикасайся, не думай*».

[Примечание: Особо властная форма выражения собственности.]

Автору есть что сказать:

Гун соленая рыба и самый красивый парень в школе: Мой добрый брат, в следующий раз, когда у нас будет церемония бракосочетания, я обязательно лично проведу ее с тобой.